

УДК: 7.032(38)

ББК: 85.11

A43

DOI: 10.18688/aa199-1-3

Н. А. Налимова, И. С. Савина

Специфика архитектурного решения гробниц Царского некрополя Саламина. О роли погребального обряда, прототипах и параллелях¹

Около полувека прошло после выхода в свет финальной серии публикаций В. Карагеоргиса, посвященных археологии так называемого Царского некрополя Саламина на Кипре, девять гробниц которого исследовались на протяжении 1962–1967 гг. [16; 17]. Детально представленный в них комплекс находок из захоронений, а также реконструкция гробниц открыли широкому кругу специалистов возможность изучения аристократических погребальных практик Саламина позднего этапа геометрики и архаики Кипра. В 1988 г. Д. Рапп предложил уточненную датировку саламинских гробниц, согласно которой сооружение наиболее ранних следует относить ко второй четверти — середине VIII в. до н. э., а возведение последнего захоронения некрополя (гробница 3) — к 610–590 гг. до н. э. [32, р. 116]. Современные исследователи соглашались с такой хронологией и вписывают некрополь Саламина в малочисленный ряд погребальных комплексов, относящихся к столь раннему времени [5, р. 152; 7, р. 131; 8, р. 44].

Со времен публикации памятников саламинского некрополя были затронуты вопросы, связанные с социальным и политическим контекстом возникновения захоронений [32], с определением роли и статуса их владельцев [7; 8], с возможными внешними и внутренними культурными влияниями, которые отразились в погребальном искусстве и традициях саламинской элиты [21; 32]. Часть публикаций была посвящена теме конских захоронений в гробницах некрополя — явлению, не характерному для Кипра, но знакомому на территориях Эгейского бассейна [6], в частности в Арголиде в позднеэлладский период [27, р. 37–40], а также в Анатолии (фригийское курганное захоронение KY, датированное VIII в. до н. э. [8, р. 46]).

Однако, несмотря на широкий спектр затронутых тем, по-прежнему недостаточным освещенным остается вопрос о специфике погребального ритуала, связанного с определенной системой понятий, и его влиянии на облик саламинских гробниц, их архитектурное решение². Представляется перспективным обращение к этому вопро-

¹ Авторы выражают глубокую признательность П. А. Евдокимову, А. В. Дедюлькину и Е. Стефану за помощь, консультации и комментарии в процессе подготовки данной публикации. Вся ответственность за содержание и предложенные выводы лежит на авторах.

² Две публикации, в которых более подробно рассматривается тема погребального ритуала Саламина, принадлежат Д. Раппу и Н. Блекуэллу. Отметим, что авторы исследуют тему ритуала не в

су на современном этапе с учетом новейших исследований и открытий погребальных памятников на других территориях Кипра в последние десятилетия. В предлагаемой работе анализируется архитектура царских захоронений Саламина в ее связи с программой погребального обряда; делается попытка обозначить возможные прототипы и параллели подобного рода явлений на территориях как самого Кипра, так и Средиземноморья в целом.

Специфика погребальной архитектуры Кипра не может быть понята вне контекста становления, существования и взаимодействия городов-царств Кипра. Начало железного века ознаменовалось на острове развитием нескольких важных экономических центров, чье месторасположение обеспечивало контроль над гаванями, через которые велась активная импортно-экспортная торговля с Эгейдой, побережьем Леванта и Египтом. В первые века I тысячелетия до н. э. число подобных автономных образований возросло и включило в себя царства внутренних территорий (к началу периода архайки документально зафиксировано десять царств, четыре из которых размещались внутри острова [15, p. 219]). Среди развитых прибрежных центров (Китион, Пафос, Курион, Амафунт) ярким примером протоцарства, превратившегося затем в могущественное царство Кипра, является Саламин. Его основание в XI в. до н. э., вероятно, было связано с необходимостью более удобного расположения для контроля прибрежной зоны, нежели у его предшественника Энкоми [15, p. 217]. Находки французской археологической экспедиции на территории Саламина указывают на высокий уровень благосостояния поселения начиная с самых ранних этапов его существования³.

Параллельно выстраиванию децентрализованной системы царств Кипра активизируется процесс внешней миграции, первые волны которой датируются XII в. до н. э. и связаны с переселенцами из материковой Греции и с эгейских островов [15, p. 211]⁴. Равное по значимости культурное влияние на уклад и традиции острова давало близкое соседство со странами Леванта, представители которых сыграли ключевую роль в становлении Китиона [18, p. 10]. Археология Саламина X–VI вв. до н. э. демонстрирует родство как с греческим миром, так и с традициями финикийцев [37, p. 144]. Картину внешней миграции усложняет миграция внутренняя: с появлением или переносом поселений, как в случае с Энкоми и Саламином, усложняется этнический рисунок территорий [15, p. 220].

В контексте такой сложной политической и этнико-культурной картины встает вопрос об идентификации владельцев гробниц и смежный с ним вопрос о причинах усложнения погребального обряда и архитектурного оформления погребений. Д. Рапп утверждает, что царские захоронения служили своеобразным средством саморепрезен-

качестве самостоятельной проблемы и вне связи с архитектурой, а включают ее в социально-политический контекст истории Саламина [5; 32].

³ Гробница 1 — камерная гробница с дромосом, датируемая XI в. до н. э., открытая в пределах городской черты под постройками римского периода, принадлежит знатной женщине, содержит богатый погребальный инвентарь, в том числе разнообразную керамику, ювелирные изделия, предметы из бронзы и железа [37, p. 144].

⁴ Вопрос датировки волн внешней миграции широко дискутируется в научной литературе, существует мнение, что отдельные группы ахейцев могли обосноваться на Кипре, в частности в Энкоми, начиная с XIV–XIII вв. до н. э. [19, p. 11].

тации для аристократии, стремившейся легитимировать новообетенную власть [32, р. 112]. Социальным фоном, вероятно, послужил процесс устойчивого расслоения населения Саламина, вызванный стремительным ростом богатства правящих кругов. Н. Блекуэлл дополняет: притязания элиты, отразившиеся в монументальном погребальном строительстве, касались не только утверждения статуса правящего круга внутри общества Саламина, но и служили инструментом межрегиональной борьбы на острове за доминирование в вопросах политического и экономического характера [5, р. 145–146].

Территория Царского некрополя общей площадью 7 кв. км занимает равнину между участком саламинского леса и монастырем св. Варнавы. Помимо царских/аристократических гробниц здесь было найдено лишь два рядовых захоронения. По мнению В. Карагеоргиса, подобная избирательность в статусе погребений означает, что место было зарезервировано специально под захоронения знати [16, р. 4].

В наши дни на равнине Царского некрополя доминирует тумулус гробницы 3. Отметим, что это единственная из гробниц, сохранившая внешнее оформление, которое включает тумулус и крепиду в виде радиальной кирпичной стены (Рис. 1). Девять гробниц Царского некрополя можно разделить на две группы: более масштабные меньшие по размеру. Наиболее интересной представляется структура монументальных гробниц 3, 50, 79, 47, 1, ориентированных в едином направлении северо-восток — юго-запад [16, р. 3]. В этих гробницах фасад камеры с прорезанным в нем стомионом (*stomion* — отверстие, вход в гробницу, который по окончании ритуала погребения блокировался) и перпендикулярно примыкающими стенами формирует участок между камерой и дромосом, так называемый продромос, или *пропилеи*, в соответствии с терминологией В. Карагеоргиса [16, р. 27]. Акцентирование пространства пропилей неслучайно. Вероятно, они играли особую роль в погребальной практике Саламина. На это указывает целый

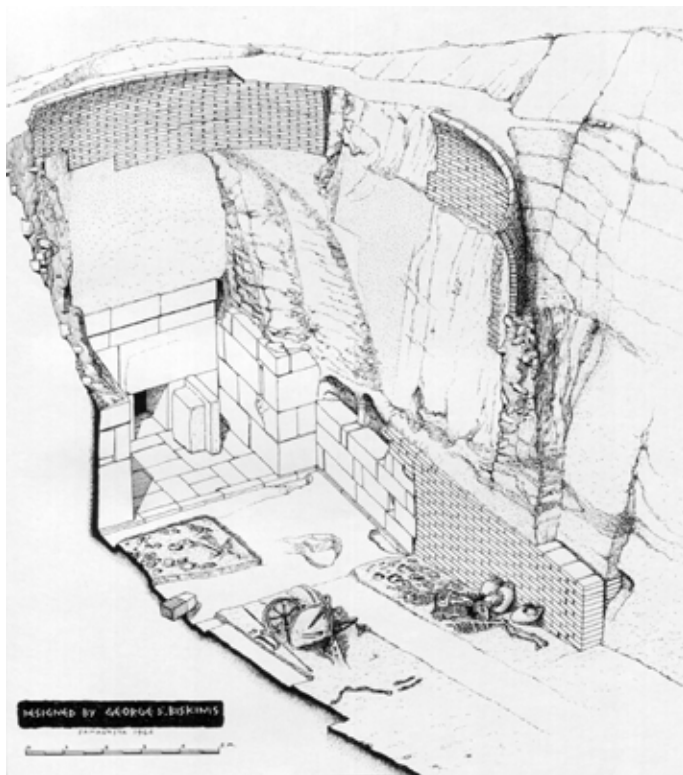

Рис. 1. Гробница 3, Царский некрополь Саламина. Конец VII в. до н. э. Кипр. По: [16, pl. CXVII]

ряд черт: четырехступенчатый подъем, формирующий переход из дромоса на платформу пропилей (47 и 50 гробницы) [16, р. 76], наличие монументального фасада, который вырастает в гробнице 50 до 10,6 м (что более чем в два раза превышает ширину камеры 4,8 м), расположение стомиона на центральной оси пропилей (а не камеры), расширение дромоса по мере приближения к фасаду (Рис. 2). Обращает на себя внимание архитектурный декор фасада: верхнюю часть завершает карниз с выкружкой, в нижней

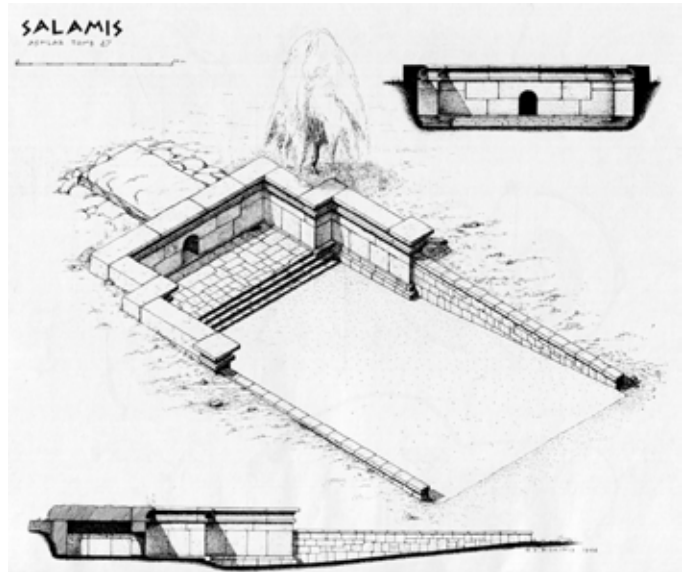

Рис. 2. Гробница 47, Царский некрополь Саламина. Вторая половина VIII в. до н. э. Кипр. По: [16, рl. CXXXVI]

части стены проходит небольшой уступ, равный высоте порога стомиона. Часть стен дромоса, прилегающая к пропилеям, в ряде случаев выполнена в той же технике каменной кладки, которая лишь затем переходит в кирпичную или каменную меньшего масштаба [16, р. 28]. Это придает целостный характер оформлению пространства пропилей.

Пол дромоса, имеющий небольшой уклон в сторону пропилей, обычно покрывал раствор из гипса и колотого известкового песчаника, образующий гладкую поверхность розоватого оттенка [16, р. 96]. Именно масштабные размеры дромоса (длина до 30 м, ширина у пропилей около 13,25 м, на входе около 10,5 м — параметры гробницы 47 [16, р. 96]) отличают главным образом саламинские гробницы от других «выстроенных» гробниц Кипра периода архаики, обнаруженных в Тамассосе, Китионе и Амафунте, за исключением нескольких реплик, появившихся на некрополях соседних царств позже [16, р. 123] (см. ниже).

Мастера, возводившие монументальные гробницы Саламина, очевидно, учитывали размах погребального ритуала, точнее, его кульминационные моменты в пределах некрополя. Центральным действием, видимо, был финальный этап погребальной процессии, которую мы можем представить себе как экфору (*ekphorá*) — вывоз тела на колеснице к месту погребения и совершение ряда жертвоприношений⁵.

Большинство обнаруженных в дромосах колесниц представляют собой двухколесные повозки без кузова, с горизонтальным щитом, на который можно поставить ка-

⁵ Детальное описание обряда есть у Гомера (Ном. II. 23, 131–139); термин используется у Эсхила и Фукидида (Aeschylus, Sept. 1024; Thuc. 2,34,3).

тафалк с телом усопшего. Повозки этого типа были распространены в повседневной жизни киприотов рассматриваемого периода: они использовались и для перевоза грузов, и для особенных случаев (празднеств, охоты) [16, р. 118; 22, р. 167]. В погребальном контексте внешняя простота транспортного средства маскировалась парадной конской амуницией, выполненной из кожи и бронзы. В гробнице 3 сохранились фрагменты боевой колесницы с колчанами, а также множество предметов вооружения, меч, щит, что указывает на принадлежность погребения знатному воину [16, р. 48]. Первоначальное погребение в гробнице 79 содержит фрагменты квадриги с парадными бронзовыми штандартами либо их декоративными аналогами [16, р. 46; 17, р. 153].

На финальной стадии процессия с колесницами и телом усопшего, вероятно, шествовала от входа в дромос вплотную к пропилеям. Ширина пролета позволяла совершить подобный проход без помех, а месторасположение повозок подтверждает эту гипотезу. Видимо, процессия сопровождалась большим числом повозок, доставлявших к гробнице многочисленные подношения. Пропилеи могли служить площадкой для церемониальных действий, например либации. Кроме того, именно в пространстве пропилей и его преддверии размещались роскошные, выполненные из дорогостоящих материалов и на высоком художественном уровне погребальные дары. Такая «инсталляция» должна была демонстрировать высокий статус и богатство умершего присутствующим на церемонии. Подчеркнуто обособленное, возвышающееся над уровнем дромоса пространство пропилей представляло собой хорошо видимую зону, некое подобие театральной сцены как для активных участников церемонии, находившихся внутри дромоса, так и для зрителей [5, р. 151]. Последние могли разместиться и за пределами дромоса на возвышении вдоль его стен и наблюдать за происходящим внутри. Погребальный костер обустроивался также в пределах дромоса на незначительной дистанции от пропилей⁶.

Лишь одна из гробниц демонстрирует обряд ингумации. Следы погребального костра в четырех гробницах свидетельствуют об устойчивой традиции кремации в царском некрополе Саламина. Погребальный костер предназначался для покойного и некоторого числа жертв, в основном крупных домашних животных, судя по находкам. Правда, остается некоторая вероятность, что тело кремировалось за пределами дромоса, поскольку лишь в одной гробнице найдены фрагменты человеческого праха в погребальном костре. Конские же жертвоприношения совершались на финальной стадии церемонии, непосредственно перед заполнением дромоса землей: все без исключения скелеты коней обнаружены рядом с повозками, причем в удовлетворительной сохранности, что было бы невозможно после кремации. Несколько лошадей были по недосмотру погребены заживо и пытались освободиться от ярма уже под насыпью. Человеческие скелеты, обнаруженные в дромосе, могли принадлежать как пленным, так и слугам.

Хотелось бы отметить роль в погребальной сфере еще одного важного для аристократической среды обычая — пира, симпосия. Мебель из гробницы 79, вероятно, представляет собой «гарнитур» для такого погребального банкета: ложе, троны, подставка

⁶ След погребального костра был обнаружен в гробницах 1, 3, 19, 31 [5, р. 157].

для ног [23, р. 106]. К мебели прилагались приспособления для воскурения масел, ароматом которых оведали покои во время пиров, а также принадлежности для приготовления трапезы: вертела, очажные подставки, нож для мяса, утварь для возлияний — кубки, кратеры. Стиль части находок свидетельствует о возможном их исполнении в сиро-финикийских мастерских [23, р. 106].

Важным обстоятельством является наличие вторичных захоронений во всех гробницах некрополя Саламина, за исключением одной (гробницы 3). Церемония вторичного захоронения была аналогична первоначальной [16, р. 77]. Пример гробницы 47 дает четкую картину обустройства пространства для ритуала второго захоронения. В первую очередь необходим был доступ к камере, с этой целью на расстоянии около 8,5 м от стомиона по центральной оси дромоса выкапывалась траншея шириной около 5 м с небольшим уклоном в сторону пропиелей. В гробнице 47 погребальный инвентарь вторичного захоронения (в том числе шесть лошадей и две колесницы) размещался поверх слоя, содержавшего предметы предыдущей церемонии, на уровне от 20 до 80 см. После завершения повторного обряда дромос опять заполнялся землей. Временной разрыв между захоронениями в гробнице 47 составляет около полувека, что характерно и для других гробниц некрополя. Наибольший временной диапазон между захоронениями составляет более сотни лет в случае гробницы 50 [32, р. 116].

Точную последовательность саламинского ритуала прощания с усопшим сложно восстановить, однако комплекс обрядов, как мы успели убедиться, представлен широким спектром действий, репрезентативность которых усиливала сама архитектура гробниц. При попытке «визуализации» этих обрядов как неизбежная эпическая параллель возникает описание погребения Патрокла в XXIII песни «Илиады»: с шествием колесниц и пеших воинов, с заклинанием жертв (в том числе коней) и погребальным костром⁷. Многие исследователи обращали внимание на совпадение саламинского ритуала с «гомеровским». Несомненно, характер атрибутов погребального культа и обряд прощания с усопшим, о которых говорится в Илиаде, перекликаются с артефактами дромосов царских гробниц. Говоря о связи эпоса и данных археологии, В. Карагеоргис подчеркивает ее косвенный характер: «Саламинцы не имитировали погребальные обряды, описанные у Гомера. Сам Гомер лишь только описывал погребальные обряды, которые практиковало аристократическое общество в его и более ранние времена в различных уголках Средиземноморья» [21, р. 23].

В связи со спецификой монументальных гробниц Саламина закономерно встает вопрос о возможных образцах или прототипах среди погребальных построек, отличных от повсеместно распространенного на острове камерного типа (*chamber tombs*) эпохи поздней бронзы и раннего железа. В поисках решений, близких и потенциально известных строителям Царского некрополя Саламина, мы учитываем не только буквальное сходство архитектурных форм, но и наличие самой идеи интеграции ритуала в пространство гробницы, применения инновационного плана погребального сооружения, ориентированного на ритуальную составляющую.

⁷ Hom. II. 23,131–139.

В известной мере аналогию могут представлять захоронения некрополя Энкоми, предшественника Саламина, где наряду с типичными камерными погребениями обнаружено около десятка толосообразных (*tholos tombs*), датируемых 1600–1200 гг. до н. э. [25, р. 114] и выстроенных (*built tombs*), чье возведение датируют 1450–1200 гг. до н. э. [25, р. 114–115]. Археология Энкоми свидетельствует о росте благосостояния его жителей (особенно в период 1340–1200 гг. до н. э.), отразившемся в монументальном строительстве [12, р. 28]. Археологически засвидетельствовано производство цилиндрических печатей, предметов роскоши в местных мастерских и появление первых имитаций микенских ваз [2, р. 168; 20, р. 46–47]. Многие факторы позволяют говорить об активной вовлеченности жителей Энкоми в торговые отношения как с Эгейским регионом, так и со странами Леванта [9, р. 169]. Появление новых типов погребальной архитектуры и новых элементов в ритуале, предположительно инспирированных эгейскими или ближневосточными прототипами [25, р. 115], демонстрирует восприимчивость обитателей Энкоми к внешним культурным влияниям. В XII в. до н. э. мы можем предполагать усиление эгейского «компонента» на фоне обоснования в Энкоми новых поселенцев, среди которых, несомненно, были и ахейцы [36, р. 67]. К этому времени уже близок момент основания Саламина в первой половине XI в. до н. э., которое традиция связывает с Тевкром, сыном Теламона и братом Аякса, прибывшим сюда вскоре после Троянской войны [1, с. 16].

Именно в Энкоми мы видим уход от стандартного типа погребения к более сложным в архитектурном плане формам с целью усложнить и разнообразить презентацию погребальных обрядов. Хотя о прямой связи архитектурного решения с более поздними саламинскими гробницами в данном случае говорить не приходится, все же близость руин Энкоми и, с большей долей вероятности, перемещение части жителей Энкоми в Саламин [14, р. 243] наводят на мысль о том, что память о погребальных традициях могла сохраняться среди поколений саламинцев железного века. Возможен и визуальный контакт мастеров Саламина с гробницами бронзового века: фрагменты каменной скульптуры и керамики периодов геометрики и архаики, обнаруженные в пределах археологического комплекса Энкоми, указывают на существование здесь святилищ на руинах старого поселения [34, р. 21].

Некрополь Энкоми интегрирован в городскую застройку, как в ряде ближневосточных поселений эпохи бронзы, например в Угарите, — в этом его принципиальное отличие от некрополя Саламина. Большинство гробниц состояло из небольшого дромоса и одной либо нескольких камер круглой или нерегулярной формы. Для нас интерес представляют несколько гробниц, демонстрирующих вариативность строительной техники: толосообразная 71, а также четыре «выстроенных» из хорошо тесанных блоков камня с двумя-тремя грубо обработанными блоками перекрытия [12, р. 27]. Известны еще несколько толосов, описанных шведской и французской экспедицией в Энкоми [25, р. 115]. Эти не опубликованные до сих пор гробницы имеют скромные размеры (как и большинство других, они разграблены, что затрудняет точную датировку).

Помимо упомянутых выше наиболее значимый материал, позволяющий судить о ритуальной составляющей, дает выстроенная гробница 66, которая не была разграблена до момента обнаружения археологами (ее датируют 1400–1250 гг. до н. э. [12, р. 27]).

Найденная здесь в большом количестве посуда: чаши, кубки, блюда из золота, серебра, фаянса, бронзы («сервис» насчитывает 39 наименований), позволяет говорить о значимости идеи Totenmahl в погребальных практиках Энкоми. Выполненная из дорогих материалов посуда сама по себе обладала ценностью, украшала интерьер и указывала на высокий социальный статус умершего. Однако, как предполагает Л. Кру, размеры и внутреннее устройство гробницы, имеющей подобие П-образного ложа, расположенного по трем сторонам камеры, позволяют предполагать совершение некоего, вероятно повторявшегося, ритуала трапезы, во время которого использовалась посуда, хранящаяся здесь же. О том, что трапеза не только символически подразумевалась, но и могла совершаться внутри пространства гробницы, косвенно свидетельствуют конструкция двери, дающей доступ внутрь погребальной камеры, а также две лампы, керамическая и бронзовая, укрепленные по обеим сторонам входа.

Появление некоторого количества, пусть и незначительного относительно общего числа, погребений новых типов свидетельствует о неких трансформациях культуры прощания с усопшими, связанных как с возможным ростом благосостояния элиты, так и с ориентацией на внешние образцы, эгейские или ближневосточные, возможно, с привлечением мастеров из числа иммигрантов [25, р. 115]. Подобная практика в Энкоми некоторым образом предвосхищает появление гробниц Царского некрополя Саламина. Опирируя более скромными масштабами как архитектурных форм, так и программы ритуала это погребальное искусство формирует однако схожую тенденцию.

В I тысячелетии до н. э. кипрская традиция выстроенных гробниц имеет параллельную с Саламином линию развития в Амафунте — одном из важнейших политических центров острова эпохи царств. В 2009 г. вблизи западного некрополя Амафунта были обнаружены гробницы, получившие номера 964 и 967, датируемые второй половиной X в. до н. э. Это выстроенные монументальные гробницы с дромосами. Одинаково ориентированные в направлении запад — восток, обе гробницы демонстрируют специфическую конструкцию уступчатого свода и не имеют современных себе аналогов среди выстроенных гробниц на острове, за исключением плохо сохранившейся гробницы 21 западного некрополя Амафунта⁸, датируемой около 950–900 гг. до н. э. Обе гробницы имеют дромосы, которые не были исследованы в силу разных причин.

Относительно специфики гробниц Амафунта специалисты пришли к следующим выводам. Погребения принадлежат людям с высоким социальным статусом, о чем говорит их обособленное положение вне существующего вблизи восточного некрополя. Более того, место для захоронения могло быть выбрано с учетом идущей к Амафунту с востока дороги таким образом, что направлявшиеся в город непременно отдавали дань памяти этим усопшим [33, р. 84]. Дополнительные наземные конструкции — насыпи из камней, круглые в плане, с примыкающими к ним основаниями для погребальных стел, найденные *in situ*, указывают на стремление акцентировать место погребения. Не исключена возможность проведения здесь многократных поминальных ритуалов, что

⁸ Исследователи отмечают также параллели с различными типами захоронений Амафунта эпохи геометрики в устройстве входа в гробницы. Вход состоит из трех монолитов: пары опор и перемишки, иногда с включением четвертого в качестве порога [33, р. 74].

подтверждают находки, датируемые периодом архаики и более поздним временем [33, р. 84]. Таким образом, эти гробницы Амафунта дают нам наиболее ранние образцы аристократической погребальной архитектуры Кипра, а также указывают на существование ритуального почитания памяти умерших.

Интересную параллель Саламину в отношении погребального обряда дают статусные захоронения периода кипрской геометрики в Палеопафосе (Куклия), обнаруженные в ходе работ греческой экспедиции 2008 и 2011 гг. Это обособленно расположенные тумулусы, сформированные насыпью камней различных размеров вперемешку с землей на месте погребального костра. Объектом погребения здесь является бронзовая урна, вмещающая керамический сосуд с прахом. Пример погребения праха в бронзовой урне известен и в Саламине — в гробнице 1, относящейся к группе монументальных захоронений Царского некрополя, в камере которой в отличие от остальных гробниц сохранился погребальный инвентарь [24, р. 106]. В. Карагеоргис указывает на сходство с традициями материковой Греции и Крита. По его мнению, эти тумулусы Палеопафоса отражают эгейские практики погребения праха в керамическом сосуде с существенным кипрским дополнением — бронзовой урной [24, р. 105].

Упомянутый автором в качестве аналогии так называемый героон в Лефканди (о. Эвбея) представляется важным памятником в контексте нашей темы. Эта масштабная постройка, датируемая первой половиной X в. до н. э., имеет под собой исключительного статуса погребение (мужское и женское), которое, так же как и в Саламине, демонстрирует совмещение кремации с конскими жертвоприношениями. Примечательно захоронение праха мужчины-воина в бронзовом сосуде (амфоровидном кратере), более того, в сосуде кипрского происхождения, который относят к более раннему времени, нежели само погребение, — к концу XIII или началу XII в. до н. э. [30, р. 51–52]. Контакты Кипра и Греции (о. Эвбея и Афин), существовавшие еще в XI в. до н. э., подтверждены находками керамики [13, р. 83]. Эти контакты, обусловившие взаимные влияния, стали особенно интенсивны в X в. до н. э. [28, р. 205]. Они засвидетельствованы и в Афинах периода геометрики (IX–VIII вв. до н. э.) [10], где широко представлена традиция захоронения праха в сосудах. Так, в некрополе на территории Керамика, на южном берегу р. Эридан, наблюдается изменение в погребальном обряде в конце XI в. до н. э., когда на смену ингумации приходит кремация с погребением праха в керамических амфорах (и остатков пиры внутри могилы) [26, р. 17]. Смена ритуала сопровождалась изменением характера инвентаря — среди погребальных даров в это время появляется оружие, которое отсутствовало в могилах предшествующего субмикенского периода. Безусловно, речь здесь не идет о погребальной архитектуре как таковой и масштабности, которую демонстрируют героон в Лефканди и тем более монументальные гробницы Саламина. Но одна черта все же заслуживает внимания. Еще в период протогеометрики в погребениях Керамика возникает идея размещения над могилой, на одной оси с урной, более крупной вазы, которая служит надгробным «маркером» [26, р. 18]. В VIII в. до н. э., когда надгробные амфоры и кратеры достигают монументальных размеров, на них появляются развернутые многофигурные ритуальные сцены. Среди этих сцен есть достаточно редкие изображения экфоры и военных процессий с участием колесниц, дающие впечатление о размахе погребальных церемоний [11,

р. 88–98]. Существовала также практика помещения в могилы терракотовых моделей погребальных повозок [4, р. 37]. Остается открытым вопрос о том, в какой мере эти сцены отражают реальные практики аттической элиты. Возможно, в редких случаях таких погребальных почестей и церемоний удаивались представители самых знатных семей [11, р. 99]. Если это так, то изображения на аттических вазах-надгробиях VIII в. до н. э. — единственный отголосок их существования. Вполне вероятно, однако, что вазописные композиции лишь отсылают к «героическим» темам в более общем ключе [35, р. 365]. Так или иначе, в них фактически изображается то, что предстает как реальное зрелище в современных им погребальных церемониях Саламина, о которых красноречиво свидетельствуют находки скелетов коней и остатков колесниц, а также конструкции дромосов. Считается, что эта линия восходит к устойчивой практике конских захоронений в аристократических могилах материковой Греции эпохи бронзы, в частности территорий Арголиды [27, р. 31]. Как уже отмечалось, останки коней были найдены и в герооне Лefканди, что дает повод говорить об эгейских корнях погребальных практик Царского некрополя Саламина.

В связи с этим невозможно обойти вниманием непопулярную в исследовательской литературе архитектурную параллель с микенскими толосами. Вопреки значительному разрыву в хронологии и неустойчивости конструктивных совпадений отвергать эту связь, на наш взгляд, было бы ошибкой. Прежде всего роднит эти памятники архитектурная и техническая реализация дромосов. Тип микенской монументальной гробницы, где основная отличительная черта — длинный дромос, был широко распространен и успешно тиражировался на территориях Эгеиды в позднеэлладский период [14, р. 242]. Размах архитектуры, который демонстрируют нам микенские гробницы, а также составные элементы захоронения: масштабный дромос, переходящий в пространство перед стомионом, и сам толос, формирующий курган, хорошо прослеживаются на плане саламинской гробницы 3. Разница лишь в том, что в данном случае центральная ось кирпичной купольной крепиды под тумулусом смещена в район пропилей. Пафос возвеличивания саламинской элиты как одна из задач погребальной программы требовал эффектного визуального решения. Погребальный монумент и способ его возведения могли включать вполне намеренные «ахейские» реминисценции, улавливаемые современниками.

Относительно недавно была предложена еще одна аналогия внешнему оформлению саламинских гробниц за пределами Кипра — фригийские гробницы раннего железа, в том числе тумулус ММ Гордиона [7, р. 136]. Датировка тумулуса ММ (740–710 гг. до н. э. [38, р. 179]) и значимость, размах царских гробниц Гордиона позволяют говорить о возможных влияниях фригийских погребальных традиций на Кипр. Однако предметное сопоставление конструктивных особенностей гробниц Саламина и Гордиона делает очевидными их принципиальные различия (деревянная камера тумулуса ММ, отсутствие в нем дромоса и пр.), что не позволяет считать эту гипотезу обоснованной. Более убедительной представляется аналогия с курганными захоронениями Бин Тепе, некрополя к северу от Сард в Лидии [31, р. 68]. Характерная для Саламина деталь конструкции присутствует в кургане «Карныарык тепе» (Karnıyarık Tepe) — крепида, обнаруженная внутри тумулуса. Что касается датировки курганных захоро-

нений Лидии, то широкое распространение этого типа погребения соотносят с периодом после персидского завоевания в 540-е гг. до н. э. Самый ранний из известных курганов датируется 585–560 гг. до н. э. и предположительно принадлежит Алиатту, одному из последних представителей династии Мермнадов [3, с. 132]. Таким образом, Саламин в данном случае скорее выступает в роли зачинателя традиций, нежели преемника, если основываться на принятых датировках.

В заключение хотелось бы кратко проследить возможные влияния погребальной архитектуры Царского некрополя Саламина на последующие сооружения. Прежде всего мы находим их в самом Саламине. Ранее мы отметили, что лишь гробница 3 (610–590 гг. до н. э.) сохранила свой первоначальный облик, включающий курган и крепиду в виде радиальной стены. Есть мнение, что все гробницы Царского некрополя венчались курганами, но меньшего масштаба и более простого технического решения, что со временем повлекло их разрушение из-за выветривания и эрозии почв [16, р. 121]. А. Карстенс приводит примеры других имеющихся на Кипре курганных захоронений, близких по хронологии, в доказательство этой гипотезы, подчеркивая тот факт, что курганы составляли хорошо известный могильный маркер на территории восточного Кипра и являлись видной частью погребального ландшафта острова [8, р. 44]. Заполнение рва для дромоса и камеры мягкой глинистой почвой было начальным этапом подготовки к возведению кургана над погребением гробницы 3. Первоначально строилась кирпичная конусообразная крепиды, опорой которой служили симметрично расходившиеся из центра стены, игравшие роль внутреннего каркаса курганной насыпи. Прямым наследником такой схемы возведения тумулуса в сочетании с радиальной стеной является гораздо более поздний памятник Саламина — знаменитый тумулус 77, возведенный над погребальной пирой в последней четверти IV в. до н. э. и известный в литературе как «кенотаф Никокреонта» [17, р. 157].

На более ранних этапах, начиная с 700 г. до н. э., влияние саламинских погребальных традиций проникает в другие царства острова. В 1999 г. во время работ, проводимых Департаментом древностей Кипра в южной части Ларнаки, была обнаружена выстроенная гробница с двумя камерами, соединенными узким проходом (ее погребальный инвентарь датируется периодом кипрской архаики). Дромос гробницы достигает 16,44 м в длину, стены его облицованы камнем. Внутри дромоса найдены три погребения коней с принадлежащими им бронзовыми шорами и железными удилами [18, р. 11]. Можно предполагать, что саламинские традиции Царского некрополя были взяты на вооружение элитой Китиона.

Одно из четырех масштабных погребений так называемого Царского некрополя Тамассоса, обнаруженных еще в конце XIX в. М. Онефальш-Рихтером рядом с современным поселением Политико (гробница 4), представляет собой камеру с длинным дромосом с погребенными внутри колесницами и конями, датируемую около 700 г. до н. э. [29, р. 212]. Лучше сохранившиеся гробницы 5 и 12 демонстрируют уже иные принципы погребального обряда и архитектурные характеристики, в том числе появляющуюся впервые в Тамассосе скульптурную декорацию [29, р. 218]. Однако саламинские образцы, очевидно, не оставили равнодушной правящую элиту Тамассоса, включившую как минимум одну их реплику в свой некрополь. Тенденцию продолжа-

ет некрополь Куриона, известный хорошо сохранившейся царской гробницей с монументальным дромосом конца архаической — начала классической эпохи (Илл. 1), принадлежащей, вероятно, местному правителю Стасанору [1, с. 97].

Даже краткий обзор элитных погребений Кипра позволяет констатировать, что у гробниц Царского некрополя Саламина, несомненно, были «последователи» как минимум в царствах Китона, Куриона и Тамассоса. Однако мы все же не находим для них явных и прямых предшественников на острове. Справедливо замечание П. А. Евдокимова о «вынужденной ограниченности наших сегодняшних представлений об истории погребений Саламина: имей мы в своем распоряжении всю генеральную совокупность, едва ли монументальные гробницы второй половины VIII–VII вв. до н. э. и последующих веков показались бы нам возникшими внезапно» [1, с. 94]. Разумеется, саламинские гробницы не могли возникнуть ниоткуда. Выстраивая логику погребальных аристократических традиций, Саламин, возможно, принял за точку отсчета элементы микенской культуры, усвоенные на протяжении длительной истории контактов с Эгейдой и привнесенные на Кипр посредством повторяющихся волн эмиграции начиная с поздней бронзы. Можно предположить, что внешний облик элитных захоронений Саламина мог нести некоторые черты культурной самоидентификации.

Однако медиатором финального решения в погребальной архитектуре выступает обряд, имеющий если не истоки, то параллели в эгейском мире. Именно он определяет параметры, формы и принципы планировочных решений. Другой важный компонент — внешний зритель. Гробницы царского некрополя Саламина очевидно экстравертны: монументальность их фасадов и пропилей, «экспозиционность» пространства, ясная симметрия композиции проявляют себя лишь при восприятии снаружи. Если добавить к этому гипотетические курганы, возведение которых, вероятно, практиковалось шире, чем мы можем представить (не только в Саламине, но и в Амафунте), то и этот элемент явно был «адресован» во вне, причем разнообразным реципиентам, как современникам, так и потомкам, как местному населению, так и внешним соперникам — соседним городам-царствам. Таким образом, мы можем говорить о притязаниях саламинской элиты на создание некоего универсального типа гробницы, в которой комбинируются все основные элементы статусных погребений, как более ранних, так и современных, а также делается особый акцент на зрелище погребальной церемонии, «запечатленной» в самих архитектурных формах.

Литература

1. *Евдокимов П. А.* Цари доэллинистического Кипра: между богами и людьми, между бронзой и железом, на перекрестке Востока и Запада // «Боги среди людей»: культ правителей в эллинистическом, постэллинистическом и римском мире / Отв. ред. С. Ю. Сапрыкин, И. А. Ладынин. — М.; СПб.: Изд-во РХГА, 2016. — С. 76–118.
2. *Искусство Древнего Кипра в Собрании ГМИИ им. А. С. Пушкина: в 2 т. Каталог выставки / Отв. ред. Л. И. Акимова*— М.: ГМИИ им. А. С. Пушкина, 2014. — Т. I. — 384 с.
3. *Кишбали Т. П.* Архитектура древней Анатолии: типология, локальные особенности и межрегиональные контакты: дис... к. иск. — М., 2016. — 254 с.
4. *Alexandridou A.* The North Necropolis of Vari Revisited // *Αρχαιολογική Εφημερίς*. — 2012. — Vol. 151. — P. 1–73.

5. *Blackwell N. G.* Mortuary Variability at Salamis (Cyprus): Relationships between and within the Royal Necropolis and the Cellarka Cemetery // *Journal of Mediterranean Archaeology*. — 2010. — No. 23/2. — P. 143–167.
6. *Carstens A. M.* To Bury a Ruler: The Meaning of the Horse in Aristocratic Burials // *Cyprus: Religion and Society from the Late Bronze Age to the End of the Archaic Period: Proceedings of an International symposium on Cypriote archaeology, Erlangen, 23–24 July 2004* / Eds. *V. Karageorghis, H. Matthäus, S. Rogge*. — Möhnesse-Wamel: Bibliopolis, 2005. — P. 57–76.
7. *Carstens A. M.* Cypriot Chamber Tombs // *Panayia Ematousa II. Political, Cultural, Ethnic and Social Relations in Cyprus. Approaches to Regional Studies: Proceedings of the Danish Institute at Athens* / Eds. *L. Wriedt Sorensen, K. W. Jacobsen*. — 2006. — Vol. 6, 2. — P. 125–179.
8. *Carstens A. M.* Tumuli as Power Political Statements. On Tumuli in Cyprus in an East Mediterranean and Anatolian Context // *Tumulus as Sema. Space, Politic, Culture and Religion in the First Millennium BC* / Eds. *U. Kelp, O. Henry*. — Berlin, Boston: De Gruyter, 2016. — P. 43–53.
9. *Catling H. W.* Kouklia: Evreti Tomb 8 // *Bulletin de Correspondance Hellénique*. — 1968. — No. 92–1. — P. 162–169.
10. *Coldstream J. N.* Early Greek Visitors to Cyprus and the Eastern Mediterranean // *Cyprus and the East Mediterranean in the Iron Age: Proceedings of the Seventh [i. e. Twelfth] British Museum Classical Colloquium, April 1988* / Ed. *V. Tatton-Brown*. — 1989. — P. 90–97.
11. *Coldstream J. N.* Geometric Greece 900–700 BC. — London; New York: Routledge, 2003. — 456 p.
12. *Crewe L.* Feasting with the Dead? Tomb 66 at Enkomi // *Ancient Cyprus in the British Museum: Essays in Honour of Veronica Tatton-Brown* / Ed. *Th. Kieley*. — London: The British Museum, 2010. — P. 27–48.
13. *Demetriou A.* Cypro-Aegean Relations in the Early Iron Age // *Studies in Mediterranean Archaeology*. — 1989. — Vol. 83. — 114 p.
14. *Iacovou M.* Cyprus: From Migration to Hellenisation // *Greek Colonization: An Account of Greek Colonies and Other Settlements Overseas* / Ed. *G. R. Tsetschladze*. — Leiden; Boston, 2008. — Mnemosyne 193. — Vol. II. — P. 219–288.
15. *Iacovou M.* External and Internal Migration during the 12th Century BC // *Cyprus and the Aegean in the Early Iron Age. The Legacy of Nicolas Coldstream*. — Nicosia: Bank of Cyprus Cultural Foundation, 2012. — P. 207–228.
16. *Karageorghis V.* Salamis Vol. 3: Excavation in the Necropolis of Salamis I. — Nicosia: The Department of Antiquities, 1967. — 190 p., 151 pl.
17. *Karageorghis V.* Excavating at Salamis in Cyprus: 1952–1974. — Athens: The A. G. Leventis Foundation, 1999. — 206 p.
18. *Karageorghis V.* Phoenician News from Cyprus // *National Museum News*. — 2000. — No. 11. — P. 10–14.
19. *Karageorghis V.* Some Thoughts on the Late Bronze Age in Cyprus // *Cahier du Centre d'Études Chypriotes*. — 2000. — Vol. 30. — P. 9–15.
20. *Karageorghis V.* Ancient Art from Cyprus: The Cesnola Collection in The Metropolitan Museum of Art. — New York: The Metropolitan Museum of Art, 2000. — 305 p.
21. *Karageorghis V.* La necropole “royale” de Salamine. Quarante ans Apres // *Cahier du Centre d'Études Chypriotes*. — 2002. — Vol. 32. — P. 19–31.
22. *Karageorghis V.* Aspects of Everyday Life in Ancient Cyprus. Iconographic Representation. Nicosia: The A. G. Leventis Foundation, 2006. — 275 p.
23. *Karageorghis V.* Ancient Cyprus: 9000 Years of Culture. — Nicosia: Ministry of Foreign Affairs, 2012. — 175 p.
24. *Karageorghis V., Raptou E.* Palaepaphos-Scales. Tombs of the Late Cypriot IIB and Cypro-Geometric Periods (Excavation of 2008 and 2011). — Nicosia: The Cyprus Institute, 2016. — 162 p., 101 pl.
25. *Keswani P.* Mortuary Ritual and Society in Bronze Age Cyprus. — London; Oakville: Equinox Publishing Ltd, 2004. — 257 p.
26. *Knigge U.* The Athenian Kerameikos. History — Monuments — Excavations. — Athens: Krene Editions, 1991. — 196 p.
27. *Kosmetatou E.* Horse Sacrifices in Greece and Cyprus // *Journal of Prehistoric Religion*. — 1993. — Vol. VII. — P. 31–40.
28. *Lemos I. S., Hatcher H.* Early Greek Vases in Cyprus: Euboean and Attic // *Oxford Journal of Archaeology*. — 1991. — P. 197–208.
29. *Matthäus H.* The Royal Tombs of Tamassos. Burial Gifts, Funeral Architecture and Ideology // *Cahier du Centre d'Études Chypriotes*. — 2007. — Vol. 37. — P. 211–230.

30. *Mazarakis Ainian A.* From Rulers' Dwellings to Temples: Architecture, Religion and Society in Early Iron Age Greece (c. 1100–700 B. C.) // *Studies in Mediterranean Archeology*. — 1997. — Vol. 21. — 412 p.
31. *Roosevelt C. H.* Tumulus Survey and Museum Research in Lydia, Western Turkey: Determining Lydian and Persian-Period Settlement Patterns // *Journal of Field Archaeology*. — 2006. — Vol. 3. — P. 61–76.
32. *Rupp D. W.* The Royal Tombs at Salamis (Cyprus): Ideological Messages of Power and Authority // *Journal of Mediterranean Archeology*. — 1988. — No. 1/1. — P. 111–139.
33. *Stefani E., Violaris Y.* New Evidence on the Early History of the City-Kingdom of Amathous: Built Tombs of the Geometric Period at the Site of Amathous-Loures // *Bulletin de Correspondance Hellénique Supplement*. — 2018. — No. 60. — P. 67–85.
34. *Tatton-Brown V.* Sculpture and Terracottas from Enkomi in the British Museum // *Cahiers du Centre d'Études Chypriotes*. — 2000. — Vol. 30. — P. 17–25.
35. *Vlachou V.* Death and Burial in the Greek World // *Thesaurus Cultus et Rituum Antiquorum VIII. Addendum to vol. VI. Death and Burial*. — 2004. — P. 361–384.
36. *Valdés G. M.* The Cult of Aglauros (and Aphrodite) in Athens and in Salamis of Cyprus: Reflections on the Origin of the Genos of the Salaminiot // *Ancient West & East*. — 2005. — Vol. 4. — P. 57–76.
37. *Yon M.* The Town of Salamis. French Excavation 1964–1974 // *Kinyras, Archéologie française à Chypre*. — 1993. — P. 139–158.
38. *Young R. S.* The Gordion Excavation Final Reports. Vol. 1: Three Great Early Tumuli. — Philadelphia: The University of Pennsylvania Press, 1981. — 353 p.

Название статьи. Специфика архитектурного решения гробниц Царского некрополя Саламина. О роли погребального обряда, прототипах и параллелях.

Сведения об авторах. Налимова Надежда Анатольевна — кандидат искусствоведения, старший преподаватель. Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, Москва, Российская Федерация, 119991. nalim1973@mail.ru

Савина Ирина Сергеевна — магистр искусствоведения, независимый исследователь. Московский, 1мкр, 44–73, Москва, Российская Федерация, 108811. phiniciya@mail.ru

Аннотация. В предлагаемой статье исследуется монументальная архитектура Царского некрополя Саламина (Кипр) VIII–VI вв. до н. э. В поисках возможных прототипов и параллелей саламинским гробницам авторы анализируют обширный круг погребальных памятников, в том числе открытых на территории Кипра в последние десятилетия. Специфика погребальной архитектуры рассматривается в контексте становления, существования и взаимодействия городов-царств Кипра, а также сложной политической и этнико-культурной ситуации в регионе. Авторы приходят к заключению, что в стремлении создать некий универсальный тип элитного погребения строители и заказчики саламинских гробниц приняли за точку отсчета элементы микенской культуры, усвоенные на протяжении длительной истории контактов с Эгейдой. Локальные традиции, контакты с Малой Азией и Левантом также сыграли свою роль. Однако решающим фактором в архитектурном оформлении погребений выступил обряд, имеющий если не истоки, то параллели в эгейском мире. Именно он определил параметры, формы, основные архитектурные акценты и принципы планировочных решений.

Ключевые слова: погребальная архитектура; дромос; экфора; конские жертвоприношения; Саламин; античный Кипр; Царский некрополь; погребальный ритуал.

Title. Creating Monumental Tombs of Cyprian Salamis: The Role of the Funeral Rites, the Prototypes and Parallels.

Authors. Nalimova, Nadezhda Anatol'evna — Ph. D., head lecturer. Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory, 1, 119991 Moscow, Russian Federation. nalim1973@mail.ru

Savina, Irina Sergeevna — M. A., independent researcher. Moskovskiy, 44–73, 108811 Moscow, Russian Federation. phiniciya@mail.ru

Abstract. This article discusses the architecture of the Royal Necropolis at Iron Age Salamis (Cyprus). In search of possible prototypes and parallels to the Salamis tombs, the authors analyze a wide range of funerary monuments including those discovered in Cyprus in recent decades. The specific features of funeral architecture are considered in the context of the formation, existence, and interaction of the Cypriot city-kingdoms. The complicated political and ethno-cultural situation in the region is taken into account as well. It seems probable that creating a kind of universal aristocratic tomb-type, Salaminian elite and builders involved in the process took as a starting point the elements of Mycenaean culture adopted throughout the long history

of contacts with the Aegean. The local traditions, contacts with Asia Minor and Levant also played their role. Nevertheless, the rite itself, which has if not the origin then parallels in the Aegean world, seems to be crucial. It determines the parameters, forms and principles of planning decisions.

Keywords: funerary architecture; dromos; horse sacrifices; ekphora; Salamis; ancient Cyprus; Royal necropolis; funerary ritual.

References

- Akimova L. I. (ed.). *Iskusstvo Drevnego Kipra v sobranii GMII im. A. S. Pushkina: Katalog (Art of Ancient Cyprus in the Collection at the Pushkin State Museum of Fine Arts: Catalogue)*, vol. 1. Moscow, The Pushkin State Museum of Fine Arts Publ., 2014. 384 p. (in Russian).
- Blackwell N. G. Mortuary Variability at Salamis (Cyprus): Relationships between and within the Royal Necropolis and the Cellarka Cemetery. *Journal of Mediterranean Archaeology*, 2010, no. 23, 2, pp. 143–167.
- Carstens A. M. To Bury a Ruler: The Meaning of the Horse in Aristocratic Burials. *Cyprus: Religion and Society from the Late Bronze Age to the End of the Archaic Period*. Möhnesse-Wamel, Bibliopolis Publ., 2005, pp. 57–76.
- Carstens A. M. Cypriot Chamber Tombs. *Panayia Ematousa II. Political, Cultural, Ethnic and Social Relations in Cyprus*, 2006, vol. 6, 2, pp. 125–179.
- Carstens A. M. Tumuli as Power Political Statements. On Tumuli in Cyprus in an East Mediterranean and Anatolian Context. *Tumulus as Sema. Space, Politic, Culture and Religion in the First Millennium BC*. Berlin; Boston, De Gruyter Publ., 2016, pp. 43–53.
- Crewe L. Feasting with the Dead? Tomb 66 at Enkomi. *Ancient Cyprus in the British Museum: Essays in Honour of Veronica Tatton-Brown*. London, The British Museum Publ., 2010, pp. 27–48.
- Evdokimov P. A. The Kings of Pre-Hellenistic Cyprus: Between Gods and Men, Between Bronze and Iron, at the Crossroads of East and West. “Bogi sredi ludey”: kul't praviteley v ellinisticheskom, postellinisticheskom i rimskom mire (“Gods Among Men”: Cult of Rulers in the Hellenistic, Post-Hellenistic and Roman World). Moscow; St. Petersburg, Russian Christian Academy of Humanities Publ., 2016, pp. 76–118 (in Russian).
- Iacovou M. Cyprus: From Migration to Hellenisation. *Greek Colonization: An Account of Greek Colonies and Other Settlements Overseas. Mnemosyne 193*. Leiden; Boston, Brill Publ., 2008, vol. 2, pp. 219–288.
- Iacovou M. External and Internal Migration during the 12th Century BC. *Cyprus and the Aegean in the Early Iron Age. The Legacy of Nicolas Coldstream*. Nicosia, Bank of Cyprus Cultural Foundation Publ., 2012, pp. 207–228.
- Karageorghis V. *Excavating at Salamis in Cyprus: 1952–1974*. Athens, The A. G. Leventis Foundation Publ., 1999. 206 p.
- Karageorghis V. Some Thoughts on the Late Bronze Age in Cyprus. *Cahier du Centre d'Études Chypriotes*, 2000, vol. 30, pp. 9–15.
- Karageorghis V. La necropole “royale” de Salamine. Quarante ans Apres. *Cahier du Centre d'Études Chypriotes*, 2002, vol. 32, pp. 19–31 (in French).
- Karageorghis V.; Raptou E. *Palaepaphos-Scales. Tombs of the Late Cypriot IIIB and Cypro-Geometric Periods (Excavation of 2008 and 2011)*. Nicosia, The Cyprus Institute Publ., 2016. 162 p., 101 pl.
- Keswani P. *Mortuary Ritual and Society in Bronze Age Cyprus*. London; Oakville, Equinox Publ., 2004. 257 p.
- Kisbali T. P. *Arkhitektura Drevnei Anatolii (Architecture of Ancient Anatolia)*, Dissertation. Moscow, 2016. 254 p. (in Russian).
- Kosmetatou E. Horse Sacrifices in Greece and Cyprus. *Journal of Prehistoric Religion*, 1993, vol. 7, pp. 31–40.
- Matthäus H. The Royal Tombs of Tamassos. Burial Gifts, Funeral Architecture and Ideology. *Cahier du Centre d'Études Chypriotes*, 2007, vol. 37, pp. 211–230.
- Morris I. Iron Age Greece and the Meaning of “Princely Tombs”. *Les princes de la Protohistoire et l'émergence de l'État*, 1999, pp. 57–80.
- Rupp D. W. The Royal Tombs at Salamis (Cyprus): Ideological Messages of Power and Authority. *Journal of Mediterranean Archaeology*, 1988, vol. 1, no. 1, pp. 111–139.
- Stefani E.; Violaris Y. New Evidence on the Early History of the City-Kingdom of Amathus: Built Tombs of the Geometric Period at the Site of Amathus-Loures. *Bulletin de Correspondance Hellénique Supplement*, 2018, no. 60, pp. 67–85.
- Vlachou V. Death and Burial in the Greek World. *Thesaurus Cultus et Rituum Antiquorum* 8, 2004, vol. 6, pp. 361–384.
- Yon M. The Town of Salamis. French Excavation 1964–1974. *Kinyras, Archéologie française à Chypre*, 1993, pp. 139–158 (in French and English).

Илл. 1. «Гробница Стасанора» в Курионе. Первая четверть V в. до н. э. Лимассол, Кипр.
Фото П. А. Евдокимова